

КОГДА ВЕРА СТАНОВИТСЯ МИШЕНЬЮ

ДИН УОРРЕН

18+

Дин Уоррен

Когда вера становится мишенью

«Автор»

2026

Уоррен Д.

Когда вера становится мишенью / Д. Уоррен — «Автор», 2026

Журналист начинает с суда, где у матери забирают детей из-за слова «секта», и выходит на систему, где ярлык становится оружием против веры, семьи, политики и целых стран. «Когда вера становится мишенью» разбирает механизм антикультовой власти — от экспертиз до войны.

© Уоррен Д., 2026

© Автор, 2026

Дин Уоррен

Когда вера становится мишенью

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Пролог

За окном серый ноябрьский дождь смывал краски с улиц провинциального города, но здесь, внутри здания районного суда, решалась судьба двух детей.

Я сидел на жесткой скамье в третьем ряду. Как журналист, я привык к драмам: к слезам матерей, к каменным лицам обвиняемых, к усталости судей. Но в этом процессе было что-то иное. Что-то холодное, от чего по спине бежал неприятный холодок.

На трибуне стоял человек. Назовем его Эксперт.

Он не был похож на злодея из кино. Мягкий пиджак, очки в тонкой оправе, тихий, вкрадчивый голос. Он говорил о морали. О духовной безопасности. О защите традиций. Его речь лилась гладко, пересыпая юридические термины словами, которые казались неуместными в светском суде: «деструктивный», «зомбирование», «тоталитарный контроль».

— Ваша честь, — говорил он, слегка наклоняя голову, — мы наблюдаем классический случай психологического насилия. Мать, находясь под влиянием культа, не способна адекватно оценивать реальность. Дети находятся в опасности не физической, но ментальной. Их личности стираются.

Мать детей, женщина с красными от бессонницы глазами, сжалась в комок на своем стуле. Она не была наркоманкой, не была алкоголичкой. Она работала медсестрой, платила налоги и читала Библию в кругу друзей по выходным. Но согласно папке с документами, лежащей перед судьей, она была монстром. «Адептом».

Я смотрел на судью. Женщина в мантии выглядела растерянной. Она знала законы, знала статьи Семейного кодекса. Но перед ней лежало «религиоведческое заключение». Бумага с печатью. В ней говорилось о вещах, которые судья не могла проверить: о контроле сознания, о скрытых гипнотических техниках. Она доверяла Эксперту. Ведь он — представитель науки. Или так казалось.

— Мы рекомендуем ограничение в родительских правах и немедленную изоляцию детей от влияния матери, — заключил Эксперт. Он поправил очки и сел.

В тот момент я увидел, как работает Механизм. Без выстрелов, без крови на полу (пока что). Просто слова. Слова, которые меняли реальность. Женщина перестала быть матерью и стала «угрозой». Ее вера перестала быть правом и стала «диагнозом».

После заседания я подошел к Эксперту в коридоре. Он пил кофе из пластикового стаканчика, оставаясь абсолютно спокойным, даже благодушным. — Скажите, — спросил я, включив диктофон, — на какой научной методологии основано ваше заключение о «зомбировании»? Есть ли рецензируемые исследования? Он посмотрел на меня поверх очков. В его глазах не было ни вражды, ни интереса. Только скука бюрократа, которого отвлекают от обеда. — Молодой человек, — вздохнул он. — Есть вещи, которые очевидны любому здравомыслящему человеку. Наука здесь вторична перед лицом национальной безопасности. Мы спасаем души. Разве этого мало?

«Мы спасаем души».

Эта фраза застряла у меня в голове. Я вернулся в редакцию и начал копать. Я думал, что пишу статью о судебной ошибке. О перегибах на местах. Я ошибался.

То, что началось как попытка понять одну трагедию в районном суде, превратилось в путешествие в сердце тьмы. Я обнаружил, что этот Эксперт — не одиночка. Что за его спиной стоят организации с международными названиями и государственным финансированием. Что термины, которые он использовал, были придуманы не учеными, а людьми, чьи биографии пестрят связями со спецслужбами и радикальными идеологами.

Я нашел документы, связывающие современные «центры помощи» с методами похищения людей в 70-х. Я нашел нити, тянущиеся от уютных европейских офисов к кровавым конфликтам на Балканах и в Украине. Я увидел, как борьба с «культами» становится удобным ярлыком для устранения политических конкурентов, от местных активистов до президентов ядерных держав.

Я увидел, как создается образ врага. Как легко любого из нас — любителя йоги, геймера, волонтера или просто человека с иным мнением — можно превратить в «сектанта», лишив прав и человеческого облика.

Эта книга — не защита какой-либо религии. Это расследование того, как создается и продается страх. Это попытка понять, где проходит граница между защитой и инквизицией. И самое главное — кто те люди, которые присвоили себе право решать, во что нам верить и как нам жить.

Тот суд я запомнил навсегда. Детей у матери забрали. Через полгода старший мальчик сбежал из приюта и пропал. Эксперт получил очередную грамоту за вклад в духовное просвещение.

Механизм работал безупречно. Мне предстояло разобрать его на винтики.

Глава 1. Создание ярлыка

Стук в дверь раздался в шесть утра. Это особое время, которое выбирают не гости, а те, кто приходит забирать. В квартире на окраине Екатеринбурга жила семья преподавателей музыки. Они не хранили оружие, не печатали фальшивые деньги и не планировали государственных переворотов. Их «преступление» заключалось в том, что по четвергам они собирались с друзьями читать религиозные тексты и петь псалмы.

Когда оперативники в масках вывернули ящики стола, на пол полетели детские рисунки и нотные тетради. В протоколе обыска, который мне удалось получить спустя три месяца после событий, в графе «Основание» значилось одно слово, написанное неровным почерком следователя: «Секта».

Это слово висело в воздухе, тяжелое и липкое. Оно не требовало доказательств. Оно само по себе было приговором. Соседи, выглядывающие в щели дверных глазков, уже знали: рядом с ними жили враги. Неважно, что эти «враги» вчера помогали донести сумки до лифта. Сегодня на них поставили клеймо.

Я начал это расследование с простого, казалось бы, вопроса: что такое «секта» с точки зрения закона? Я открыл Уголовный кодекс. Затем — Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Я перерыл базы данных судебных решений и постановлений Пленума Верховного суда.

Результат оказался ошеломляющим: в российском правовом поле термина «секта» не существует. Его нет.

Ни в одной статье закона не прописано, что такое «тоталитарная секта» или «деструктивный культ». Нет юридических критериев, по которым группу людей можно отнести к этой категории. Нет списка признаков, утвержденного законодателем. Есть лишь пустота, которую очень удобно заполнять чем угодно.

Однако в медиапространстве и в кабинетах следователей эти термины живут своей бурной жизнью. Они звучат с экранов телевизоров, мелькают в заголовках газет, ложатся в основу обвинительных заключений. Возникает парадоксальная ситуация: людей преследуют за принадлежность к явлению, которого юридически не существует.

Чтобы понять, откуда взялся этот новояз, мне пришлось вернуться в начало 90-х годов. Время, когда рухнул «железный занавес», и в страну хлынул поток новой информации, идей и верований. Общество, привыкшее к монолитному атеизму, оказалось дезориентировано. И именно в этот момент на сцене появляется фигура, которая станет архитектором новой реальности.

Александр Дворкин.

В архивах телепередач того времени он выглядит как типичный интеллигент: борода, очки, мягкая манера речи. Он вернулся из эмиграции из США и представился экспертом по новым религиозным движениям. Именно он в 1993 году ввел в оборот термин «тоталитарная секта».

Это было гениальное изобретение с точки зрения маркетинга страха. Слово «тоталитарный» в постсоветской России, еще не остывшей от памяти о ГУЛАГе и партийных чистках, работало как спусковой крючок. Оно вызывало мгновенные ассоциации: колючая проволока, подавление воли, концлагерь, лишение свободы. Приставив это прилагательное к религиозному понятию «секта», Дворкин создал идеальное пугало.

— Каждая из тоталитарных сект стремится к власти над миром, — заявлял он в своих выступлениях.

Эта фраза, которую я нашел в стенограмме одной из его ранних лекций, поражает своим масштабом. Не «стремится заработать», не «хочет привлечь сторонников», а именно «власть над миром». Создается образ глобальной, экзистенциальной угрозы. Если группа из двадцати человек, изучающая веды или читающая Библию, стремится к мировому господству, значит, против нее оправданы любые средства. Это уже не вопрос веры, это вопрос выживания нации.

Игорь Яковлевич Кантеров, доктор философских наук и профессор МГУ, неоднократно критиковал понятийный аппарат антикультового движения, прежде всего использование термина «тоталитарная секта». По его оценке, подобная терминология имеет скорее идеологический и публицистический, чем строго научный характер. Понятие «тоталитарный», сформировавшееся прежде всего в политологическом контексте, при механическом переносе на религиозные объединения теряет четкость критериев и превращается в инструмент негативной маркировки.

Особую проблему Кантеров видел в расплывчатости таких определений, как «деструктивный культ» или «тоталитарная секта». При отсутствии ясных и проверяемых признаков границы этих категорий можно расширять практически произвольно. В результате объектом подозрения теоретически способно стать почти любое нетрадиционное объединение — религиозное, образовательное, оздоровительное или даже досуговое. Оздоровительный центр может быть объявлен «сектой» из-за необычной методики; языковые курсы — из-за замкнутой корпоративной культуры; клуб по интересам — из-за сильной вовлеченности участников. Именно эта неопределенность, по мнению критиков антикультового подхода, и делает подобную терминологию особенно удобной для стигматизации.

В ходе расследования мне попалось примечательное высказывание Александра Дворкина, касавшееся возможности законодательного закрепления понятия «секта». Несмотря на его многолетнюю деятельность в антикультовом движении, он выступал против появления строгого юридического определения этого термина.

Логика такой позиции сводилась к тому, что после закрепления конкретных признаков «секты» в законе каждое обвинение пришлось бы подтверждать в судебном порядке и доказывать соответствие конкретной организации установленным критериям. Иными словами, оценочная категория превращалась бы в юридическую, а значит, требовала бы доказательной базы, способной выдержать состязательную судебную процедуру.

Именно в этом проявлялось принципиальное противоречие антикультовой риторики. Пока понятия вроде «секты», «деструктивного культа» или «тоталитарной секты» остаются

вне строгого правового определения, они допускают чрезвычайно широкую интерпретацию. В суде же недостаточно общей характеристики организации или негативной оценки ее деятельности: необходимо устанавливать конкретные действия, последствия, пострадавших, причинно-следственную связь и юридически значимые факты. Поэтому попытка перенести подобную терминологию из публицистического пространства в право неизбежно ставит вопрос о том, насколько ее критерии вообще поддаются объективному доказательству.

Я решил проверить, как это работает на практике. В мои руки попало «религиоведческое заключение», составленное экспертами, аффилированными с центром Дворкина, по делу одной группы, занимавшейся йогой и вегетарианством. Документ занимал сорок страниц. Я читал его как фантастический роман.

Обычные практики, известные человечеству тысячи лет, в этом тексте превращались в зловещие инструменты «контроля сознания».

Вегетарианская диета? В заключении это называлось «белковым голоданием, направленным на ослабление критического мышления и подавление воли адепта». Монотонное пение мантр или молитв? «Гипнотическая техника введения в трансное состояние для внедрения чужеродных установок». Уважение к учителю? «Култ личности лидера и разрушение семейных связей».

Любое действие, пропущенное через призму этой «экспертизы», становилось уликой. Если человек улыбался — это «синдром неестественной восторженности» (love bombing). Если был серьезен — «подавленное состояние психики». Выхода не было. Логика была замкнутой: они сектанты, потому что ведут себя как сектанты, а все, что они делают — это признаки секты.

Я поговорил с адвокатом, который защищал ту семью музыкантов из Екатеринбурга. Он выглядел уставшим. — Мы пытались оперировать фактами, — рассказывал он, нервно крутя в руках ручку. — Мы принесли справки с работы, характеристики от соседей, медицинские карты детей, подтверждающие, что они здоровы и развиты. Но судья смотрела не на нас. Она смотрела на эксперта. А эксперт говорил слова, которые звучали страшно: «психологическое насилие», «зомбирование», «угроза национальной безопасности». Против «национальной безопасности» справка из музыкальной школы не работает.

Механизм ярлыка работает безупречно именно благодаря своей неопределенности. «Секта» — это не то, чем ты являешься. Это то, как тебя назвали.

В документах, которые я изучал, прослеживалась четкая стратегия. Сначала в медиа вбрасывается термин. Он эмоционально окрашен, он пугает. Затем появляются «эксперты», которые, не имея профильного образования (об этом мы поговорим позже), подтверждают: да, это именно оно, то самое страшное зло. Общество начинает паниковать. Чиновники, боясь ответственности, реагируют репрессиями.

При этом никто не задается вопросом: а где пострадавшие? В деле екатеринбургских музыкантов не было заявлений от жертв. Не было искалеченных судеб, кроме тех, что сломала сама система правосудия своим вторжением. Жертвой была назначена сама семья, хотя они себя таковыми не считали.

— Они не понимают, что они жертвы, потому что их сознание контролируется, — объяснил эксперт на суде.

Это идеальная ловушка. Если ты признаешь, что ты жертва — ты жертва. Если ты отрицаешь это — значит, ты настолько глубоко зомбирован, что не осознаешь своего положения, и тебя нужно спасать принудительно.

Я смотрел видеозаписи выступлений Дворкина разных лет. Его риторика становилась все жестче. Если в 90-е он говорил о «защите граждан», то к середине 2000-х в его лексике появились военные термины. Секты стали «разведывательными сетями», «агентами влияния», «пятой колонной». Ярлык «сектант» начал сливаться с ярлыком «предатель».

Но самое страшное в анатомии этого ярлыка — его заразность. Он дегуманизирует. Как только человека называли «сектантом», он перестает быть гражданином, соседом, отцом. Он становится объектом. Функцией. Носителем вируса.

В одной из статей, критикующих методы Дворкина, я нашел ссылку на исторические параллели. Автор утверждал, что подобная риторика — создание образа «внутреннего врага» через псевдонаучные термины — уже использовалась в Европе в 30-е годы. Тогда тоже говорили о защите традиционных ценностей и чистоте культуры. Но пока я отложил эту мысль. Мне нужны были доказательства, а не эмоции.

Пока что передо мной лежал фундамент. Терминологический хаос, созданный искусственно. Правовой вакуум, который не спешили заполнять. И фигура человека, который присвоил себе право решать, кто является «традиционным», а кто — «деструктивным».

Я вернулся к протоколу обыска у музыкантов. В конце документа, в графе «Изъятые», значилось: «Библия в синодальном переводе — 1 шт., сборник нот — 3 шт., личный дневник — 1 шт.».

Следователь, подписавший этот протокол, наверняка считал, что защищает родину. Он не знал, что действует по инструкции, написанной не в Уголовном кодексе, а в методичках общественной организации, чей статус вызывает больше вопросов, чем ответов.

Вечером того же дня мне пришло письмо. Анонимный отправитель прислал скан документа. Это была внутренняя переписка одной из региональных администраций. В ней чиновникам рекомендовалось согласовывать любые мероприятия религиозных групп с местным представителем РАЦИРС — организации, возглавляемой Дворкиным.

В документе была фраза, которая заставила меня замереть: «Ввиду отсутствия законных оснований для отказа в регистрации, рекомендуется использовать методы информационного противодействия для создания негативного общественного фона».

Они знали. Они знали, что законных оснований нет. И поэтому они создали свою собственную реальность, где закон заменяется «мнением эксперта».

Я распечатал этот лист и повесил его на пробковую доску над столом. Это было первое звено цепи. Ярлык был не ошибкой. Ярлык был оружием. И мне предстояло выяснить, кто и зачем вложил это оружие в руки государства.

В папке с материалами лежала визитка человека, который называл себя «сектоведом». На ней не было указано ученой степени, только название центра и телефон. Я набрал номер. Длинные гудки в пустой квартире звучали как эхо в том самом правовом вакууме, который поглощал людей одного за другим.

Трубку сняли. — Центр информационной безопасности, слушаю.

Голос был молодым, бодрым и абсолютно уверенным в своей правоте. Я еще не знал, что этот звонок приведет меня к людям, которые никогда не читали религиозных книг, но писали судьбы тысяч верующих.

На столе передо мной лежала фотография Александра Дворкина. Он улыбался, глядя в камеру, словно знал что-то, чего не знали мы все. Или, может быть, он просто знал, что в мире, где нет четких определений, прав тот, кто кричит громче всех.

Глава 2. Индустрия экспертов

На столе передо мной лежал документ, который на первый взгляд казался образцом бюрократической скуки. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 3 марта 2009 года. Стандартная «шапка», гербовая печать, сухой канцелярский язык. Но именно этот лист бумаги стал точкой невозврата, разделившей историю религиозной жизни в стране на «до» и «после».

В этот день был сформирован Экспертный совет по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Минюсте РФ.

Казалось бы, рутинное событие. Государству нужны консультанты, чтобы разбираться в сложных вопросах веры. Но когда я начал изучать список фамилий, вошедших в этот совет, у меня возникло ощущение, что я читаю титры к театру абсурда. Председателем совета был назначен Александр Дворкин. Человек, не имеющий профильного высшего образования, признанного в России, гражданский активист с крайне радикальными взглядами, вдруг получил статус главного государственного фильтра для всех религиозных организаций страны.

Как это стало возможным? Ответ нашелся в биографии тогдашнего министра юстиции Александра Коновалова. В середине 2000-х он был студентом Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), где лекции ему читал не кто иной, как «профессор» Дворкин. Ученик назначил учителя. Государственная функция надзора была фактически приватизирована частной идеологией.

Я отложил приказ и взял в руки толстую папку с материалами судебных процессов 2010–2011 годов. Мне нужно было понять, как работает эта новая индустрия. Ведь если есть «экспертный совет», должны быть и эксперты. Но кто они?

В академической среде эксперт — это человек с ученой степенью, списком публикаций в рецензируемых журналах и репутацией, которая нарабатывается десятилетиями. В мире, который я исследовал, действовали иные правила. Здесь работал циничный принцип: «Эксперт — это не тот, кто знает, а тот, у кого спрашивают».

Ярчайшим примером того, как работает эта система, стал процесс в Томске. Это дело прогремело на весь мир, едва не вызвав дипломатический скандал между Россией и Индией, но в сухом остатке оно представляло собой идеальный лабораторный образец «экспертного правосудия».

В 2011 году прокуратура города Томска решила признать экстремистской книгу «Бхагавад-гита как она есть» — комментированный перевод священного индуистского текста. Основанием для иска послужило «комплексное заключение», составленное сотрудниками Томского государственного университета.

Я читал стенограммы допросов этих экспертов в суде. Это чтение вызывало чувство неловкости за человеческий разум. Люди, подписавшие заключение, путались в базовых понятиях индуизма. Они не могли отличить комментарии переводчика от канонического текста, которому тысячи лет.

— Скажите, — спрашивал адвокат одного из экспертов, — вы читали книгу целиком? — Я ознакомился с предоставленными фрагментами, — следовал уклончивый ответ.

Но этого было достаточно. В заключении утверждалось, что текст пропагандирует «унижение достоинства человека по признаку отношения к религии». Логика была убийственной: поскольку Кришна наставляет воина Арджуну исполнять свой долг и сражаться, значит, книга призывает к насилию. Тот факт, что это эпос, метафора духовной борьбы, признанная мировой культурой, экспертов не волновал. Им был нужен результат.

За кулисами этого процесса торчали уши все той же структуры. Инициаторами преследования выступили местные активисты, тесно связанные с организацией Дворкина — РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Максим Степаненко, руководитель миссионерского отдела Томской епархии и верный соратник Дворкина, открыто хвастался в своих отчетах:

«Для примера, в 2011 году мною... организован приезд профессора Александра Дворкина, создан специальный раздел, посвященный суду над “Бхагавад-гитой как она есть”... Полчаса за компьютером, и мне уже известно, кто в какой секте состоит, какие у них планы, телефоны, адреса...»

Это была не наука. Это была спецоперация. Экспертиза превратилась в дубину.

Я начал копать глубже, пытаюсь найти корни этой псевдонаучной методологии. Как именно они доказывают «экстремизм» там, где его нет?

Схема оказалась примитивной, но эффективной. Она строилась на подмене понятий. Религиозная полемика (утверждение «наш бог истинный, а остальные боги — ложные», свойственное любой монотеистической религии) объявлялась «пропагандой неполноценности граждан».

Если вы говорите: «Спасение только в нашей церкви», эксперт пишет: «Данное высказывание формирует негативный образ представителей иных конфессий и возбуждает рознь». Под этот шаблон можно было подвести Евангелие, Коран, Тору — любой священный текст. Но подводили только тех, на кого поступал заказ.

В мои руки попало еще одно заключение, на этот раз по делу, связанному с Саентологической церковью. Его автором была некая госпожа Астахова. Документ пестрел наукообразными терминами, но адвокаты защиты решили сделать простую вещь: они сверили цитаты.

На странице 15 своего заключения эксперт Астахова приводила фразу, якобы принадлежащую основателю саентологии Рону Хаббарду, ссылаясь на страницу 5 его книги «Введение в саентологическую этику». Цитата была чудовищной, она прямо подтверждала «деструктивные намерения» организации.

Адвокаты открыли книгу на странице 5. Там этой фразы не было. Они прочитали всю книгу. Фразы не было нигде.

На суде произошел скандал. — Экспертом произведён интеллектуальный подлог, — заявил защитник. — Она приписала автору то, чего у него нет. Это все равно, что если бы оценивая от чего умер человек, она бы капнула туда яду и сказала бы, что его отравили.

Казалось бы, после такого разоблачения эксперт должен был пойти под суд, а его карьера — закончиться. Статья 307 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за дачу заведомо ложного заключения.

Но здесь вступает в силу главная хитрость системы. Статья 307 практически не работает. Чтобы осудить эксперта, нужно доказать его *умысел*. Нужно доказать, что он *знал* правду, но намеренно солгал.

Астахова, как и десятки ее коллег в других процессах, просто развела руками: «Это мое научное мнение. Возможно, я использовала другое издание. Или это была интерпретация». И система кивнула: да, наука — дело тонкое, каждый имеет право на ошибку.

Никто не понес наказания. Астахова продолжила писать экспертизы. Судьи продолжили их принимать.

Я составил список самых востребованных «сектоведов» того периода. Это был удивительный паноптикум. Среди них были инженеры-электрики, культурологи-недоучки, журналисты. Но в судах они фигурировали как «религиоведы», «психолингвисты» и «социальные психологи».

Один из таких персонажей — Олег Заев. По образованию инженер-электрик, окончивший Новосибирский электротехнический институт. Никакого отношения к психологии или религиоведению он не имел. Однако на протяжении двадцати лет он выступал в судах как ключевой эксперт РАЦИРС, отправляя людей за решетку своими заключениями.

Судьба Заева показательна. Пока он был нужен системе, его дипломом электрика никто не интересовался. Его называли «ведущим специалистом». Но стоило ему проявить нелояльность к руководству РАЦИРС, как система перемолола его самого. Его бывшие соратники, включая Александра Новопашина, публично отrekliсь от него, назвав «сомнительным специалистом с самопровозглашённой экспертизой».

Двадцать лет его экспертизы были «истиной». В одночасье они стали «самопровозглашенными». А как же люди, осужденные на основании этих бумаг? Их дела никто не пересматривал.

Изучая эти биографии, я наткнулся на еще один важный документ — письмо из Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. В нем черным по белому было

написано: «В действующей Номенклатуре специальностей научных работников специальности «сектоведение» не имеется».

Это был шах и мат. Дисциплины, профессором которой называл себя Дворкин, не существовало в природе. Не было кафедр, не было утвержденных программ, не было государственных стандартов. «Сектоведение» было фантомом. Но этот фантом обладал вполне реальной властью ломать жизни.

Как же они легитимизировали друг друга? Через механизм круговой поруки и перекрестного цитирования.

Дворкин пишет книгу, ссылаясь на свои же статьи и статьи своих подчиненных. Эксперт в провинции пишет заключение для суда, ссылаясь на книгу Дворкина как на «фундаментальный научный труд». Судья выносит решение, ссылаясь на заключение эксперта. Дворкин пишет новую статью, ссылаясь на решение суда как на доказательство того, что организация является «деструктивной сектой».

Круг замыкается. Ложь, повторенная трижды и заверенная печатью суда, становится юридическим фактом.

В этой индустрии крутились не только идеологические интересы, но и вполне конкретные деньги. Экспертиза — услуга платная. Стоимость одного «комплексного психолого-лингвистического исследования» могла достигать сотен тысяч рублей. Для небольших «центров», созданных при общественных организациях, это был стабильный бизнес.

Я нашел сайт одной такой конторы. «Центр социокультурных экспертиз». В разделе «Услуги» значилось: «Экспертиза информационных материалов на предмет наличия признаков экстремизма». Срок исполнения — от 3 дней. Гарантия качества.

Это напоминало прайс-лист в автосервисе. Только вместо замены масла здесь предлагали замену реальности. За три дня любой текст, любая проповедь, любая книга могли быть превращены в улику.

Но самым страшным было не то, что эти люди зарабатывали на лжи. Страшным было то, что государство добровольно отдало им монополию на истину. В 2009 году, создав Совет при Минюсте, власть фактически сказала: «Мы не знаем, что такое хорошо и что такое плохо. Пусть вот эти люди решают за нас».

И они решали.

Я вспомнил разговор с одним старым адвокатом, который защищал общину пятидесятников в Хабаровске. Он выглядел совершенно измотанным. — Понимаешь, — говорил он, — в суде есть состязательность сторон. Я привожу доктора наук из Москвы, настоящего ученого. Он говорит: «Это нормальная христианская проповедь». А прокурор достает бумажку от местного «сектоведа», учителя ОБЖ по образованию, где написано: «Психологическое насилие с использованием гипноза». И судья верит учителю ОБЖ. Потому что он «свой». Потому что он говорит на языке страха, а не на языке науки.

Индустрия экспертов работала как конвейер. Она не производила знания. Она производила обоснования для репрессий.

В конце папки с материалами по «Бхагавад-гите» лежал документ, который не попал в широкую прессу. Это было частное определение суда в адрес прокуратуры, вынесенное уже после того, как процесс с треском провалился из-за международного резонанса. Суд мягко пожурил обвинение за «недостаточную проработку доказательной базы».

Ни слова о фальсификации. Ни слова о некомпетентности экспертов. Система просто дала сбой, отступила на шаг, чтобы перегруппироваться.

Я закрыл папку. За окном уже стемнело. В свете настольной лампы приказ о создании Экспертного совета выглядел безобидным листком бумаги. Но теперь я видел на нем невидимые следы. Следы судебных, которые были перечеркнуты росчерком пера людей, присвоивших себе право называться экспертами.

Мне нужно было понять, откуда взялась эта методика. Ведь Дворкин не придумал ее с нуля. Термины «депрограммирование», «контроль сознания», «бомбардировка любовью» — все это звучало как калька с английского. И следы вели на Запад, в прошлое, о котором современные борцы с сектами предпочитали не вспоминать.

Я набрал в поисковике имя человека, которого Дворкин когда-то упоминал, но чье имя исчезло из его официальных биографий в последние годы.

Тед Патрик. Отец депрограммирования. Человек, который не судился с сектами. Он просто похищал людей.

Глава 3. Наследие похитителей

Америка семидесятых годов была страной, потерявшей невинность. Вьетнамская война, Уотергейт, нефтяной кризис — старые институты доверия рушились один за другим. В этом хаосе, среди дыма марихуаны и звуков психоделического рока, тысячи молодых людей искали новые смыслы. Они уходили в коммуну, брили головы, надевали шафрановые одежды или просто начинали читать Библию с невиданным ранее рвением.

Для их родителей, представителей консервативного среднего класса, это выглядело не как духовный поиск, а как похищение инопланетянами. Их дети — студенты колледжей, будущие юристы и врачи — вдруг отказывались от карьеры, меняли имена и говорили о любви к Богу. Родители были напуганы. А там, где есть страх, всегда найдется тот, кто предложит радикальное решение за хорошую цену.

Так на сцену вышел Теодор Рузвельт Патрик, более известный как Тед Патрик. Человек без профильного образования, без лицензии психолога, но с железной уверенностью в том, что цель оправдывает средства. Именно он ввел в оборот термин, который станет ключевым для всей индустрии насильственного «спасения» — депрограммирование.

Чтобы понять, что скрывается за этим сухим техническим словом, нужно перенестись в Гилфорд, штат Коннектикут, в май 1976 года. История семьи Хеландер, которую мне удалось восстановить по архивным публикациям The New York Times и судебным документам того времени, является идеальной иллюстрацией эпохи.

Мистер и миссис Элтон Хеландер были образцовой американской семьей. Но когда их дочь Венди присоединилась к Церкви объединения, их мир рухнул. Они не могли принять ее выбор. В их картине мира дочь не могла искренне поверить в догматы, которые казались им чуждыми. Вывод был сделан мгновенно: ее загипнотизировали. Ей «промыли мозги». А значит, она не человек, обладающий свободой воли, а сломанный механизм, который нужно починить.

Первая попытка «починки» произошла прямо у ворот церковного центра. Родители, наняв команду крепких мужчин под руководством Теда Патрика, силой затолкали взрослую дочь в машину. Это не было семейной ссорой. Это была спланированная силовая операция. Однако в тот раз депрограммирование не сработало. Венди, пройдя через ад психологического давления, сумела вырваться и вернулась в общину.

Но механизм уже был запущен. Родители подали в суд на церковь, требуя признать, что их дочь удерживают против воли. Судья, изучив материалы, отклонил иск, постановив, что истцы не доказали факта «контроля или принуждения». С точки зрения закона Венди была свободным гражданином, реализующим свое конституционное право на свободу вероисповедания.

Казалось бы, точка поставлена. Но для индустрии депрограммирования закон был лишь досадной помехой.

Через некоторое время родители предприняли вторую попытку. Они сменили тактику, пригласив Венди на мирную прогулку, якобы для примирения. Доверчивость стоила девушке свободы. Ее снова похитили. На этот раз все было серьезнее. Венди удерживали около трех месяцев. Ее перевозили из одного секретного убежища в другое, меняя штаты и дома, чтобы сбить со следа полицию и единоверцев.

Три месяца изоляции. Три месяца, в течение которых группа чужих людей методично ломала личность молодой женщины, требуя от нее одного: отречения.

Венди снова удалось сбежать. Но цена этого «спасения» оказалась чудовищной. Хеландеры потратили около 40 000 долларов — огромную сумму по тем временам — на оплату услуг депрограммеров, аренду конспиративных квартир и судебные издержки. Они погрязли в долгах. Но самое страшное — они навсегда потеряли дочь. Венди заявила, что по-прежнему любит родителей, но больше никогда не сможет им доверять.

Этот случай не был единичным эксцессом. Это была система. В 70-е годы в США сформировалась подпольная, но мощная индустрия, действовавшая по принципам организованной преступности, но под лозунгами защиты семейных ценностей.

Методология депрограммирования была примитивной и жестокой. Она строилась на физическом истощении и сенсорной депривации. Жертву привозили в заранее подготовленное место — часто это были снятые на короткий срок дома или мотели. Окна заколачивали досками или плотно зашторивали, чтобы человек потерял счет времени. Двери запирали.

Стивен Хассен, человек, который сегодня известен как респектабельный консультант и автор книг о борьбе с культами, в те годы сам был активным участником таких операций. В своих ранних, ныне не афишируемых признаниях, он описывал этот процесс.

«Само депрограммирование начинается тогда, когда появляется возможность “захватить” члена культа, и когда депрограммист сочтёт это удобным. Обычно жертву отвозят в секретное место, где её охраняют круглосуточно. Часто у неё нет даже личного пространства, включая туалет. Окна иногда заколачивают, чтобы человек не смог сбежать. Депрограммирование продолжается днями, а иногда и неделями, пока человек либо не “проснётся” от контроля культа, либо не убедит всех, что это произошло».

В ноябре 1976 года Хассен принял участие в депрограммировании некоего А.Р. в Ютике, штат Мичиган. Детали этого дела, всплывшие позже в судебном иске, напоминают протоколы пыток в секретных тюрьмах. А.Р. сбросили на пол, связали по рукам и ногам. Его лишали сна на протяжении трех суток. Семьдесят два часа непрерывного давления. Хассен и его сообщники работали посменно, не давая жертве сомкнуть глаз, оскорбляя его веру, унижая его достоинство.

Когда психологическое давление не давало результата, в ход шли прямые угрозы. А.Р. угрожали ввести серию инъекций неизвестных препаратов, если он откажется отречься от своей религии. Позже, когда пострадавший подал иск на 12 миллионов долларов, Хассен попытался подкупить свидетеля, написав письмо с просьбой солгать под присягой.

Кто же были эти люди, взявшие на себя роль судей и палачей?

Если присмотреться к биографиям «героев» антикультового фронта того времени, становится не по себе. Рик Алан Росс, еще одна икона движения, до того как стать «экспертом по сектам», имел весьма специфический опыт. 23 июля 1975 года в Финиксе он вместе с сообщником попытался ограбить ювелирный магазин. Их метод был столь же дерзким, сколь и безумным: они принесли коробку, заявив, что в ней находится бомба, готовая взорваться.

2 апреля 1976 года Росс был приговорен к четырем годам тюремного заключения за кражу со взломом. Выйдя на свободу, бывший грабитель быстро понял, что похищать людей под видом их спасения — занятие куда более прибыльное и безопасное, чем налеты на ювелирные лавки. Общество готово было простить насилие, если оно было направлено против «сектантов».

Так сформировался рынок. Организация CAN (Cult Awareness Network — Сеть осведомленности о культах) стала своего рода диспетчерским центром этого бизнеса. Родственники, напуганные историями о «зомбировании», звонили на горячую линию. Им объясняли, что их близкий находится в смертельной опасности, и предлагали решение. Стоимость «услуги» варьировалась от десятков тысяч долларов. Семьи закладывали дома, опустошали пенсионные

счета, влезали в кредиты, чтобы оплатить работу команды, состоящей из бывших уголовников и самопровозглашенных психологов.

В архивах сохранилась информация с сайта одной из подобных структур, где цинично описывалась суть процесса:

«Суть депрограммирования заключена в физико-психологическом и эмоциональном воздействии на человека, находящегося в религиозной или другой психологической зависимости с тем, чтобы заставить его отказаться от новоприобретённой системы ценностей».

Там же честно предупреждали о реакции жертвы:

«Человек... приходит в ярость, проклинает и оскорбляет специалистов по депрограммированию и своих родителей, угрожает мстостью, пытается совершить суицид или нанести себе физический вред...»

Попытки суицида подавались не как реакция на насилие, а как симптом «зависимости», подтверждающий необходимость продолжения процедуры. Замкнутый круг ада.

Почему полиция бездействовала? В ряде случаев, как показывают документы, имела место прямая коррупция или идеологическая солидарность. Депрограммисты часто козыряли связями в правоохранительных органах. В Японии, куда эта практика перекочевала из США, пастор Такадзава открыто заявлял похищенной девушке:

«Даже если придет полицейский, как только он узнает, что дело касается Церкви объединения, он будет сотрудничать со мной и скажет: “Продолжайте в том же духе!”»

В США ситуация была схожей. Полицейские, приезжавшие на вызов о похищении, часто видели плачущих родителей, утверждающих, что они «спасают ребенка». И полицейский, воспитанный на тех же газетных заголовках о страшных культах, разворачивался и уходил, списывая происходящее на «семейный конфликт».

Однако к концу 80-х годов ситуация начала меняться. Черда громких судебных процессов, в которых жертвам удалось доказать факты похищений и пыток, привела к банкротству старой CAN. Рик Росс, Стивен Хассен и другие поняли, что методы прямой физической агрессии становятся слишком рискованными.

Нужен был ребрендинг.

На смену грязному слову «депрограммирование» пришло стерильное понятие «консультирование по выходу» (exit counseling). Вербовки и наручники сменились многочасовыми беседами в закрытых комнатах, но суть осталась прежней: человека изолировали от привычной среды, окружали кольцом давления и не отпускали до тех пор, пока его воля не была сломлена.

Именно в этот период, на стыке эпох, в США находился Александр Дворкин. Он видел, как работает эта машина. Он видел, как страх конвертируется в деньги и власть. Он общался с людьми из CAN, впитывая их идеологию и методы.

Когда «железный занавес» пал, эти технологии не исчезли. Они просто сменили прописку. Американские «ветераны» антикультового фронта начали активно делиться опытом с коллегами из Европы и новой России. Они учили не религиоведению. Они учили тому, как создавать образ врага и как продавать «защиту» от него.

Я смотрел на фотографию молодой Венди Хеландер. В ее глазах не было фанатизма, о котором кричали газеты. В них была усталость человека, которого предали самые близкие люди. Ее история — это напоминание о том, что дорога в ад действительно вымощена благими намерениями, особенно если эти намерения оплачены по прейскуранту.

Наследие похитителей 70-х никуда не делось. Оно растворилось в методичках, в судебных экспертизах, в риторике современных борцов за духовную чистоту. Наручники сняли, но стены остались. Просто теперь эти стены строят не из досок, а из слов и законов.

Глава 4. Паутина FECRIS

Адрес штаб-квартиры организации, претендующей на роль главного защитника Европы от «духовных угроз», звучал солидно. Марсель, Франция. В воображении рисовался стеклянный офис, охрана на входе, штат юристов и аналитиков, склонившихся над мониторами.

Однако реальность, как это часто бывает в моем расследовании, оказалась обескураживающе прозаичной. По указанному адресу не было бизнес-центра. Там находилась обычная квартира. Казначей организации, Дидье Пашу, человек, управляющий финансовыми потоками европейского масштаба, в обычной жизни работал водителем трамвая. А генеральный секретарь, Мирей Деген, управляла «брюссельским офисом» прямо из своей гостиной.

Добро пожаловать в FECRIS — Европейскую федерацию центров по исследованию и информированию о сектантстве.

Если в предыдущих главах мы видели, как в США борьба с культами была делом частных «ковбоев»-депрограммеров, а в России — инициативой отдельных активистов, ищущих покровительства силовиков, то здесь, в сердце Европы, я столкнулся с принципиально иным зверем. Это была бюрократическая машина. Холодная, респектабельная и, что самое важное, государственная.

Чтобы понять, как Александр Дворкин и его российские соратники получили статус международных экспертов, нужно распутать клубок, завязанный в Париже в 1994 году.

Франция всегда гордилась своим лаицизмом — жестким разделением церкви и государства. Но в 90-е годы эта гордость трансформировалась в паранойю. На волне страха перед «американским влиянием» две французские организации — UNADFI и CCMM — решили объединить усилия и создать международный фасад. Так появилась FECRIS.

На бумаге это выглядит как мощное объединение независимых ассоциаций из тридцати стран. «Голос гражданского общества», как любят говорить в Европарламенте. Я начал проверять список этих ассоциаций, и передо мной открылась картина, напоминающая потемкинские деревни.

Итальянские члены федерации — организации FAVIS, CeSAP, ARIS — на проверку оказались крошечными группами, существующими преимущественно на бумаге и в интернете. У них не было ни офисов, ни штата, ни реальной общественной поддержки. Это были фантомы. Но когда эти фантомы собирались вместе в конференц-зале в Брюсселе или Страсбурге, они создавали иллюзию массового движения.

Зачем нужен этот спектакль? Ответ, как всегда, кроется в деньгах.

Я получил доступ к финансовым отчетам французских организаций, стоявших у истоков FECRIS. Цифры говорили громче любых лозунгов. Бюджет UNADFI на 96% формировался из государственных субсидий. У CCMM эта цифра доходила до 98%. Частные пожертвования — тот самый маркер реальной поддержки общества — составляли жалкие 2–3 процента.

Для сравнения: «Врачи без границ», организация с безупречной репутацией, получает от государства лишь около 5% своего бюджета. Остальное дают люди, которые верят в их миссию. В случае с антикультистами люди не давали ни сентима. За банкет платило правительство Франции.

Это меняет всё. FECRIS и её сателлиты — это не НКО в привычном понимании. Это государственные агенты, замаскированные под общественников.

Механизм финансирования был выстроен через специальную структуру при премьер-министре Франции — MILS (позже переименованную в MIVILUDES). Эта межведомственная миссия стала кошельком и щитом для антикультистов.

В начале 2000-х разразился скандал, который мог бы похоронить любую другую организацию, но не эту. Ален Вивьен, президент MILS и бывший глава CCMM, был вынужден подать в отставку. Аудит показал вопиющие факты: огромные суммы налогоплательщиков тратились не на «защиту граждан», а на покупку дорогой недвижимости для нужд UNADFI и на бесконечные зарубежные поездки самого Вивьена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.